

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

УДК 343.8

Е.Г. Михеенков

КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА «БЕЛЫХ» РЕЖИМОВ СИБИРИ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМОЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919)

В статье на основе нормативно-правовых актов «белых» правительств Сибири (Временного Сибирского правительства и Российского правительства Колчака), извлеченных автором из различных источников, анализируется правовое регулирование реализации карательной политики антибольшевистских режимов на территории Западной Сибири в годы Гражданской войны, особенности функционирования пенитенциарной системы Сибири в условиях изменявшихся политических режимов, создания временных чрезвычайных органов – следственных и военно-следственных комиссий, концентрационных лагерей.

Ключевые слова: пенитенциарная система, карательная политика, заключенные, контрреволюционные политические режимы.

1 июля 1918 г. на основании Грамоты Временного Сибирского правительства наряду с другими правительственными учреждениями было создано Министерство юстиции, в составе которого было образовано Главное управление местами заключения (ГУМЗ).

Вместе с Министерством юстиции в дальнейшем, 4 ноября 1918 г., оно перешло в состав Временного Российского правительства, а 18 ноября 1918 г. – в состав Российского правительства адмирала Колчака [1. Л. 2].

4 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство, собравшееся в Томске, приняло декларацию «О государственной самостоятельности Сибири», провозгласив ее государственную независимость, аннулировав все декреты Советской власти и вернув силу закона Всероссийского Временного правительства [2. С. 50].

Антибольшевистские режимы на территории Сибири в рассматриваемый период времени столкнулись с двумя основными проблемами, от которых зависела численность заключенных. Во-первых, это был небывалый для Сибири (в отдельных городах губерний в 5–10 раз) всплеск уголовной преступности, объяснимой предшествующей либеральной уголовно-исполнительной политикой Временного правительства, ослаблением борьбы с уголовной преступностью в первой половине 1918 г., а также наличием в регионе иностранных войск союзников, представители которых нередко совершали уголовные преступления.

Во-вторых, борьба с политическими противниками белых режимов и прежде всего – с представителями социалистических партий и большевиками. Данные обстоятельства отражались на численности, правовом положении

заключенных и условиях их содержания в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири.

Одним из первых документов Временного Сибирского правительства, отражавших карательную политику установившегося политического режима, стали «Временные правила о мерах к сохранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 15 июля 1918 г. [3. С. 65–68]. Данный документ предоставлял «право руководства и направления действий по охране государственного порядка и общественного спокойствия» (а следовательно, и проведение правоохранительной политики в Сибири, руководства правоохранительными органами в том числе, – Главным управлением местами заключения Минюст.) Временному Сибирскому правительству (ст. 1.). Министру внутренних дел предоставлялось право объявлять отдельные местности Сибири на военном положении на срок до шести месяцев (ст. 2, 4). При этом согласно ст. 6 указанного документа по истечении шестимесячного срока военное положение могло быть продлено.

Данным постановлением вводились изменения в уголовное законодательство. Согласно ст. 14 на одну ступень выше подлежали наказанию лица, совершившие следующие преступления в местностях, объявленных на военном положении:

- вооруженное восстание и призыв к таковому против Временного Сибирского правительства и за государственную измену;
- умышленный поджог, истребление, приведение в негодность воинского снаряжения и вооружения, средств нападения и защиты, запасов продовольствия и фуража;
- умышленное истребление и повреждение водопроводов, мостов, плотин, шлюзов, колодцев, бродов или иных средств, назначенных для передвижения, переправы, судоходства, предупреждения наводнения или необходимых для снабжения водою;
- умышленное истребление и повреждение всякого рода телеграфов, телефонов или иных аппаратов, назначенных для передачи известий;
- умышленное повреждение железнодорожных сооружений, пути, подвижного состава и установленных знаков для железнодорожного движения, а также за умышленное повреждение сооружений, средств передвижений и установленных знаков на водных путях;
- вооруженное нападение на места заключения, на часового, военный караул и всякого рода стражу; вооруженное сопротивление военным и гражданским властям, часовым, военному караулу и всякого рода страже;
- умышленное убийство, покушение на убийство должностных лиц при исполнении и по поводу исполнения ими служебных обязанностей;
- изнасилование, разбой, умышленный подлог или утопление чужого имущества.

Если дела об указанных преступлениях рассматривались военными судами, лица, признанные виновными, подлежали каторге бессрочно либо на срок до 20 лет (ст. 16). Таким образом, властями вводились чрезвычайные меры борьбы как с преступностью уголовной, так и политической. Однако в дальнейшем политическими режимами «белой» Сибири основной акцент был сделан на борьбе именно с политической преступностью.

Объявление отдельных территорий Западной Сибири на военном положении было направлено не только против открытых антиправительственных выступлений. Осенью 1918 г. военное положение было введено на территории Кузбасса, а количество войск в регионе увеличено. Томский губернский комиссар впоследствии вспоминал, что только благодаря этим мерам удалось удержать рабочих каменноугольных копей от выступления [4. С. 105].

Данное постановление сыграло свою роль в дальнейшем, при приближении линии фронта в 1919 г. к сибирским городам, объявленным на военном положении. В этом случае правоохранительные органы контрреволюционных режимов получили неограниченные полномочия арестов и продления срока содержания под стражей подозреваемых лиц.

В условиях Гражданской войны неизбежным стало восстановление смертной казни как за воинские преступления (военная и государственная измена, сдача в плен без сопротивления и др.), так и за уголовные, например, умышленное убийство, изнасилование, разбой, грабеж. То же наказание ожидало лиц, перечисленных в ст. 14 «Временных правил о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» в том случае, если данная местность была объявлена на военном положении [5. С. 147]. Таким образом, ценность человеческой жизни на территории «белой» Сибири признавалась антибольшевистскими режимами практически ничтожной.

Примечательным в этом отношении является подавление антиправительственных восстаний, крупнейшими из которых являлись восстания в Томске 1 ноября 1918 г. и в Омске 22 ноября 1918 г. Только в результате подавления восстания в Томске, по официальной статистике управляющего Томской губернией, было убито 400 повстанцев, среди которых находились и заключенные исправительного арестантского отделения № 1. Со стороны правительственных войск потери были значительно меньше: в ходе подавления восстания два офицера были убиты и три получили ранения [6. С. 79].

Восстание в Омске 22 ноября 1918 г. являлось первым антиправительственным выступлением после прихода Колчака к власти. По официальным данным, 247 человек было убито на улицах, 117 расстреляно по приказу суда и лишь 13 участников восстания приговорено к длительным срокам заключения и каторжным работам. Обращает на себя внимание значительное преобладание расстрелянных лиц над приговоренными к длительным срокам лишения свободы [7. С. 199].

3 августа 1918 г. Временным Сибирским правительством принимается Постановление «Об определении судьбы бывших представителей Советской власти в Сибири», реализация которого в 1918–1919 гг. привела к переполненности сибирских тюрем заключенными. Согласно данному документу деятели Советской власти вплоть до созыва Всесибирского Учредительного Собрания содержались под стражей. Помимо ответственности «политической», то есть принадлежности к органам Советской власти, часть из них подлежала ответственности как за преступления, «носящие характер государственной измены и предусмотренные ст. 108 Уголовного Уложения», так и уголовной ответственности по различным статьям Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [3. С. 147]. До его созыва они подлежали содержанию в тюрьмах либо концентрационных лагерях [8].

Следующим шагом в карательной политике антибольшевистских режимов на территории Западной Сибири было восстановление Временным Сибирским правительством исчисления сроков по делам уголовным, производство по которым было прервано Советской властью в связи с закрытием судебных установлений [3. С. 144–146]. Тем же Постановлением возобновлялся розыск обвиняемых.

В контекст проводимой антибольшевистскими правительствами репрессивной политики вписывается и постепенное расширение функций следственных комиссий, созданных еще в конце июня 1918 г. Западносибирским Комиссариатом Временного Сибирского правительства, получавших право вынесения постановлений о содержании под стражей до трех месяцев лиц, «предшествующая деятельность которых будет явно угрожающей государственному строю или общественной безопасности» [3. С. 25–28]. Однако столь «каучуковой» нормы, позволявшей подвергнуть задержанию и помещению в пенитенциарные учреждения практически любое лицо, властям оказалось недостаточно. Через два месяца в него были внесены изменения, дающие следственным комиссиям право продления срока содержания под стражей в отношении указанных лиц, вплоть до политического суда над ними Всесибирского Учредительного Собрания. Особо подчеркивалось, что аналогичным образом следственные комиссии поступают со всеми бывшими работниками, «занимавшими ответственные должности в организациях Советской власти» [3. С. 150–151].

Справедливости ради отметим, что летом 1918 г. определенная часть следственных комиссий на территории Западной Сибири стремилась к установлению как причин задержания отдельных лиц, так и выяснению реального участия подсудимых в работе советских учреждений в предшествующий период, что являлось скорее исключением из правил. Примером тому служит работа Омской следственной комиссии. Согласно ее отчету от 19 июля 1918 г., направленному в Министерство внутренних дел, в ее распоряжение было передано 2 445 арестантов, из которых освобождены 492 человека (20%); приговорено к различным срокам заключения 646 человек (26%). Дела по оставшимся 1307 (54%) заключенным переданы в прокуратуру для производства дознания [9]. Однако с приходом к власти А.В. Колчака потребовались дополнительные меры для юридического обоснования борьбы с противниками режима.

17 декабря 1918 г. Российское правительство Колчака внесло изменение в постановления о следственных комиссиях, предоставлявшее последним право содержания под стражей арестованных ранее лиц до 1 октября 1919 г., «деятельность которых признана явно угрожающей государственному строю или общественной безопасности». Соблюдение данного правила возлагалось как на сами следственные комиссии, так и на заведующих местами заключения [10].

Наконец, весной 1919 г. ГУМЗ Российского правительства циркулярно разъясняло управляющим губерний: «Согласно 2 ст. Положения о лицах, опасных для государственного порядка вследствие принадлежности к большевистскому бунту, лица, находящиеся под стражей по постановлениям следственных комиссий в порядке 2 п. ст. 4 Постановления о следственных

комиссиях подлежат ссылке: задержанные на три месяца – на два года; все прочие – на один год» [11. Л. 171]. Таким образом, речь шла о фактическом восстановлении внесудебной ссылки. Вряд ли возможно предположить, что подобное положение вещей способствовало выяснению истины.

Помимо следственных комиссий создавались военно-следственные комиссии, Временное положение о них было утверждено Верховным правителем 12 апреля 1919 г. Их целью являлось расследование деятельности военных и гражданских лиц, изобличенных в содействии Советской власти. К основаниям, с которых начиналось расследование, относились: сообщение должностного лица или государственного органа; «объявления» частных лиц; явка с повинной; непосредственное усмотрение комиссии. Действия комиссии имели силу предварительного следствия.

Интересен список лиц, деятельность которых попадала под рассмотрение данных комиссий. Официально он закреплён в ст. 30 данного положения. В него включались руководители и активисты большевистских организаций; лица, участвующие в расстрелах или производстве арестов по распоряжению органов Советской власти; бойцы большевистских карательных отрядов; участники реквизиций и конфискаций; добровольцы РККА, члены РКП(б), анархисты, левые эсеры и прочие «вредные элементы»; иные лица, состоящие на советской платформе, агитаторы [7. С. 115].

Нерешённым к концу 1918 г. оставался вопрос о выделении денежных средств на содержание заключённых красноармейцев в концентрационных лагерях. В связи с тем, что последние принадлежали военному ведомству, ГУМЗ Министерства юстиции не несло за них ответственности, «ибо по смете Минюста расходы на содержание концентрационных лагерей не предусмотрены» [12. Л. 15].

Главный штаб по этому вопросу высказывал иные соображения. В связи с тем, что следствие по содержащимся в концентрационных лагерях красноармейцам передано в распоряжение гражданских следственных комиссий, им предлагалось передать содержащихся красноармейцев в тюрьмы, тем более что значительная часть из них содержалась в пенитенциарных учреждениях [12. Л. 23]. По мнению военных, это смогло бы снять и часть бюджетной нагрузки, что в условиях поражений Колчака на фронте было весьма актуально.

Данный вопрос был разрешён лишь в начале 1919 г., когда Государственный контроль своим решением от 3 января 1919 г. за № 6 высказался за содержание арестованных красноармейцев в тюрьмах за счёт сметы Министерства юстиции.

На нормативном уровне данный вопрос был разрешён Постановлением Совета Министров от 6 февраля 1919 г. «О порядке содержания арестованных в связи со свержением Советской власти». Так, п. 3 указанного постановления предусматривал содержание пленных красноармейцев в тюрьмах за счёт сметы Министерства юстиции, а в концентрационных лагерях – за счёт сметы военного ведомства.

Нормативно закреплялось и положение об охране пенитенциарных учреждений. Внешняя охрана во всех пунктах размещения (включая концентрационные лагеря) возлагалась на военное ведомство, тогда как администра-

тивный контроль, соблюдение внутреннего распорядка дня, охрана арестованных в тюрьмах возлагались на тюремное управление [13. Ст. 133].

Другим немаловажным вопросом являлось медицинское обеспечение заключенных в концлагерях, особенно в период эпидемии сыпного тифа 1919 г. И если лечение в тюрьмах губернии всех категорий заключенных осуществлялось тюремным врачебным персоналом, то медицинское обеспечение лиц, содержащихся в концлагерях, оказалось спорным между военным ведомством и Главным управлением мест заключения Минюста.

Лишь к концу марта 1919 г. было принято «соломоново» решение: оказывать медицинскую помощь лицам указанной категории, содержащимся в тюрьмах, за счет ГУМЗа, содержащимся в концлагерях – в лечебных заведениях военного ведомства, находящимся в распоряжении МВД – в лечебных заведениях названного министерства [8. Л. 64].

Своеобразными «шедеврами» законодательной практики правительства Колчака становятся принятые Советом министров весной 1919 г. постановления. 11 апреля 1919 г. Совет министров утвердил «Положение о лицах, опасных для государственного порядка вследствие причастности их к большевистскому бунту». Такие лица подвергались ссылке в отдаленные местности, назначенные министром внутренних дел, на срок от 1 до 5 лет с лишением всех политических прав. За самостоятельное возвращение из ссылки предусматривались санкции от 4 до 8 лет лишения свободы.

В мае 1919 г. была принята новая редакция ст. 129 Уголовного Уложения «О сообществах инакомыслящих». При этом под инакомыслием понималось «возбуждение религии», призыв к социальному бунту, возбуждение чувств неповиновения и нарушения законности» [7. С. 116–117]. Таким образом, любое лицо фактически могло быть привлечено к ответственности по данной статье.

Циркуляром ГУМЗ Российского правительства Колчака от 2 мая 1919 г. № 3 восстанавливалось «неукоснительное соблюдение Общей тюремной инструкции 1915 года». При этом циркулярные распоряжения Главного управления мест заключения Временного правительства 1917 г., касающиеся демократизации деятельности пенитенциарной системы, либерализации режима и условий отбывания наказаний, отменялись вновь изданным циркуляром за подписью П.К. Грана от 4 июля 1919 г. № 18 [14].

Реализация на практике рассмотренных нормативно-правовых актов политических режимов «белых» правительств Сибири имела негативные последствия для пенитенциарной системы. Прежде всего, это привело к небывалому количеству заключенных, большинство из которых обвинялись в политических преступлениях.

Состав лиц в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири в 1918–1919 гг. был неоднороден. Помимо уголовных и политических преступников, а также пересыльных осужденных, в отношении которых имелось решение суда, в них содержались подозреваемые и противники политического режима по так называемому распоряжению административных властей, относящиеся к категории «политических». Это объяснимо тем, что в Уголовном Уложении 1903 г. содержание под стражей понималось как мера пресечения в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений и проступков; как мера

исправления и наказания; как мера, применяемая в отношении пересыльных арестантов [15. С. 80].

Увеличение численности заключенных в 1919 г. зафиксировано во всех без исключения пенитенциарных учреждениях Западной Сибири. Так, если в январе 1919 г. в Мариинской уездной тюрьме содержался 231 заключенный, то в июне 1919 г. их количество возрастает до 471 человека (+103%), а к декабрю 1919 г. – до 483 человек (+ 109%). Количество политических заключенных составляло от 35% в январе до 50% в декабре 1919 г. [16].

На 1 января 1919 г. в Омской областной тюрьме содержались 632 заключенных (27% из которых составляли «политические»), в июне 1919 г. – 924 (39% из которых составляли «политические»), а в ноябре 1919 г. – 894 (41% из которых составляли «политические») [17].

На 1 января 1919 г. в Бийской уездной тюрьме содержались 443 заключенных (53% из которых составляли «политические»); на 1 октября 1919 г. – 629 человек (43% из которых составляли «политические») [18].

Подводя итоги реализации карательной политики антибольшевистских политических режимов «белой» Сибири в 1918–1919 гг., отметим, что основной акцент был сделан на борьбе с преступностью политической, что объяснялось необходимостью усиления существовавших политических режимов.

В 1918–1919 гг. на законодательном уровне антибольшевистскими режимами Сибири принимается серия нормативно-правовых актов, направленных на борьбу со своими политическими противниками. В этот период времени ценность человеческой жизни в Сибири была практически сведена к нулю, поскольку «каучуковые» формулировки данных нормативно-правовых актов позволяли правоохранительным органам «белой» Сибири осуществлять аресты практически любых лиц по «подозрению в большевизме».

Анализ реализации на практике законодательства Российского правительства Колчака позволяет констатировать практически полную подмену правовых понятий принципами политической целесообразности, что как на территории «белой» Сибири, так и в Советской России приводило к одному и тому же итогу, выражавшемуся в полном произволе правоприменителя. Суровость принимаемых законов, направленных на укрепление позиций центральных органов власти, ужесточение уголовной ответственности за преступления против основ государственного строя и порядка управления, и практика их реализации отрицательно сказались на судьбе самих политических режимов «белой» Сибири, став одной из причин их поражения в Гражданской войне.

В годы Гражданской войны в пенитенциарной системе Западной Сибири появились временные элементы, носящие чрезвычайный характер: концентрационные лагеря и работающие в местах заключения следственные комиссии. Кроме того, работу пенитенциарной системы Западной Сибири существенно осложняли военные власти, постоянно вмешивавшиеся в ее деятельность.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 827. Оп. 1. Л. 2.
2. Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций с марта 1917 до ноября 1918 года. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 238 с.

3. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года). Вып. 1 / Сост. Е.В. Луков, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 192 с.
4. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л., 1968. Т. 4. 501 с.
5. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года). Вып. 2 / Сост. Е.В. Луков, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 156 с.
6. Волжский В. Политические настроения Томской губернии к 17 ноября 1919 года, по докладу управляющего губернией // Былое Сибири (Томск). 1923. № 2. С. 79–81.
7. Звягин С.П. Формирование и реализация правоохранительной политики антибольшевистскими правительствами на востоке России (1918–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2003. 623 с.
8. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 5. Д. 41.
9. ГАРФ. Ф.Р. 170. Оп. 1. Д. 10. Л. 19.
10. Постановление Совета министров от 17 декабря 1918 г. «Об изменении и дополнении постановлений о следственных комиссиях западносибирского Комиссариата Временного Сибирского правительства от 28 июня 1918 г. и Временного Сибирского правительства от 27 августа 1918 г.» // Правительственный вестник (Омск). 1919. 31 дек.
11. ГАРФ. Ф. Р. 827. Оп. 5. Д. 30. Л. 171.
12. ГАРФ. Ф. Р. 827. Оп. 5. Д. 41.
13. Постановление Совета министров от 6 февраля 1919 г. «О порядке препровождения и содержания арестованных в связи со свержением Советской власти» // Собрание Указаний и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате (Омск). 1919. 15 июня. № 9. Ст. 133.
14. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 5. Д. 37. Л. 47, 50. В частности, обязательной отмене на всей подконтрольной колчаковскому режиму территории подлежали циркуляры ГУМЗ Министерства юстиции Временного правительства от 6 мая, 24 мая 1917 г. № 43; 25 мая 1917 г. № 44; 26 мая 1917 г. № 46; 2 июня 1917 г. № 50; 5 июня 1917 г. № 56; 12 июня 1917 г. № 12; 7 августа 1917 г. № 68.
15. Усманова Ф.Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе: 1918–1956 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004. 235 с.
16. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 7. Д. 111.
17. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 7. Д. 36.
18. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 7. Д. 43.